

Шэнь Сюань тут же отвел взгляд:

— Ну, заяц у своей норы траву не щиплет. Не беспокойтесь, бабушка, ваших людей я точно не трону.

— Клянусь!

Старая госпожа махнула рукой:

— Да ну тебя с твоими клятвами. Я тут слышала, будто на днях у тебя во дворе чуть до смертоубийства не дошло, правда это или врут?

— Врут, конечно! Разве я на такое способен?

— Не волнуйтесь, внук никого силой не удерживает, они все по доброй воле.

Старая госпожа все еще была недовольна:

— По воле или нет, а держать у себя в покоях такую ораву негоже. Что за слухи поползут?

— После Нового года тебе уже пора и о женитьбе подумать. К тому времени чтоб разогнал весь этот сброд.

— Слушаюсь, бабушка.

Закончив разговор, Шэнь Сюань вышел из покоев и неторопливо подошел к Чжао Фану:

— Чем занимаешься?

Чжао Фан поднял голову:

— Траву полю.

Шэнь Сюань нахмурился, глядя на его покрасневшие от холода руки, и почувствовал укол жалости – как-никак, этот парень ему приглянулся:

— Оставь эту грязную работу слугам.

Один из стоявших неподалеку «слуг» одарил Шэнь Сюаня ледяным взглядом.

Но тот даже не заметил его, устремив весь свой взор на Чжао Фана:

— Идем со мной.

Чжао Фан насторожился:

— Зачем?

Видя его крайнюю настороженность, Шэнь Сюань не удержался от смешка:

— Да не бойся, я обещал бабушке, что не съем тебя.

— Мне просто понравилось, как ты рисуешь. Хочу, чтобы ты и для меня сделал пару набросков.

Чжао Фан лихорадочно соображал: как бы ему отказаться?

— Мне нужно спросить разрешения у старой госпожи.

Шэнь Сюань согласился:

— Иди спроси.

Чжао Фан надеялся лишь припугнуть второго молодого господина именем хозяйки, но тот и бровью не повел. Делать нечего, пришлось идти на попятную и действительно спрашивать старую госпожу.

Та легко согласилась, лишь велела Чжао Фану возвращаться сразу, как закончит с рисунками.

Смирившись с неизбежным, Чжао Фан поплелся вслед за Шэнь Сюанем.

Гунсунь Сы провожал его взглядом, и в глубине его темных глаз застыл ледяной холод.

Чжао Фан шел на чеку, лихорадочно соображая: если этот второй молодой господин вздумает распустить руки, как от него отбиваться?

Взгляд Чжао Фана, шедшего чуть позади, упал на лежащий у дороги овальный голыш.

Крепкий такой.

Самое то, чтобы огреть кого-нибудь.

И он, улучив момент, присел, быстренько сцапал камень и спрятал за пазуху.

Шэнь Сюань: «...»

Он что, за слепого его держит?

Хитрый малый!

Впрочем, Шэнь Сюань помнил, что раньше Чжао Фан и сам был к нему равнодушен – просто из-за строгости матушки не смел показать виду. Отчего же теперь, спустя пару месяцев, он шарахается от него как от чумы?

Поначалу Шэнь Сюаня влекла лишь смазливая внешность Чжао Фана, но теперь это упрямое сопротивление только распалило в нем азарт завоевателя.

Войдя во двор второго молодого господина, Чжао Фан едва челюсть не выронил.

Пресвятые угодники.

Это что, мужской бордель?

Повсюду так и порхали нежные, холеные юноши.

Некоторые казались совсем юными, другие были постарше самого Чжао Фана.

Они сидели там, словно шимпанзе в вольере зоопарка, выставленные на показ.

Изнывавшие от скуки обитатели двора при виде Шэнь Сюаня мгновенно оживились. Глаза у них загорелись голодным блеском, и они гурьбой ринулись к хозяину, деля его между собой. От такого напора Чжао Фан в испуге попятился и едва не растянулся на пороге.

Да уж, второй молодой господин, видать, знатный гигант... Как его на всех хватает?

Там же, поди, от мужского достоинства уже одно воспоминание осталось?

— Сюда, сяо Чжао, иди сюда!

Шэнь Сюань, зажатый в плотном кольце пестрых юношей, с трудом высвободил руку и указал на дальний угол:

— Нарисуй его.

Только тут Чжао Фан заметил, что в углу тоже кое-кто сидит.

Это был...

Ого.

Юноша неземной красоты.

Печальный, хрупкий и невероятно, до умопомрачения красивый.

Прямо-таки Линь Дайюй в мужском обличье!

Чжао Фан невольно засмотрелся. Юноша поднял на него взгляд своих прекрасных, словно омытых ключевой водой глаз. Он смотрел прямо, но на лице его читалась целая буря скрытых чувств.

Там были и упрямство, и обида, и глухой гнев.

Всё в меру.

Всё к месту.

Этот внутренний разлад делал его образ неземным, но в то же время живым.

Потрясающе.

Чжао Фан вынужден был признать: такой парень запросто совратит даже самого закоренелого натурала.

Однако он помнил, зачем пришел, поэтому погромче спросил Шэнь Сюаня:

— Второй молодой господин, а как его рисовать?

Тот прокричал в ответ сквозь гомон голосов:

— Как хочешь!

Ради такой красоты Чжао Фан расщедрился на усердие. Сначала он набросал забавный мультяшный портрет грустного красавца, а затем со всей серьезностью принялся за настоящий портрет.

Пока он корпел над шедевром, на дворе совсем стемнело.

Второй молодой господин позвал его отужинать вместе, но Чжао Фан вежливо отказался.

Тогда Шэнь Сюань сказал:

— Они тут все краем глаза видели твои наброски и просто в восторге. Приходи завтра после обеда, нарисуешь каждого.

Чжао Фан: «...»

Так и подмывало помянуть его предков тихим добрым словом.

Заметив недовольство на его лице, Шэнь Сюань заискивающе улыбнулся:

— Не переживай, я в долгу не останусь. Проси чего хочешь, всё исполню.

При этих словах у Чжао Фана загорелись глаза:

— Правда?

Шэнь Сюань усмехнулся:

— О? И чего же тебе надобно?

Коли у человека есть слабость, договориться с ним – пара пустяков.

Чжао Фан хлопнул себя по бедру:

— Денег, конечно! Но если второй молодой господин пожелает расплатиться золотом, так и быть, отказываться не стану.

— Один таэль серебра за рисунок. Как вам такая цена?

Один таэль для Шэнь Сюаня был сущим пустяком, однако его задела эта корысть Чжао Фана. Неужели он, живой красавец, уступает в привлекательности какому-то серебру?

Шэнь Сюань перехватил руку Чжао Фана и призывно заглянул ему в глаза:

— Станешь моим – буду платить тебе по десять таэлей в день.

— Десять таэлей?

— Заманчиво, правда?

Чжао Фан ненадолго задумался:

— Ну уж нет. Десять таэлей – это всего десять рисунков. На один портрет у меня уходит от силы минут десять, выходит, десять таэлей я заработаю меньше чем за два часа.

Он высвободил руку:

— Невыгодно.

Шэнь Сюань: «...»

Когда это малый стал таким расчетливым?

— Ну а за двадцать таэлей?

Чжао Фан снова принялся загибать пальцы:

— Тоже всего четыре часа работы.

— В сутках двадцать четыре часа. Если я буду развлекать вас весь день, то по такой ставке вы должны мне сто двадцать таэлей серебра.

Шэнь Сюань так и сел:

— Ну у тебя и аппетиты!

Чжао Фан невозмутимо добавил:

— И это только за рисование круглые сутки, так что не думайте о лишнем.

— Ты!

Чжао Фан так ловко уел Шэнь Сюаня, что тот лишился дара речи, и парень смог спокойно уйти.

Вечером Чжао Фан, как обычно, принялся рассказывать главному герою «Троецарствие». Тот всегда слушал затаив дыхание, но сегодня казался рассеянным.

Чжао Фан поинтересовался:

— Ты чего сегодня сам не свой? Настроения нет? Обидел кто?

Гунсунь Сы, вертя в руках головоломку, спросил:

— Что ты сегодня делал у второго молодого господина?

При этом вопросе Чжао Фан сразу же оживился, готовый посплетничать:

— О, я сегодня такого насмотрелся! У него там живет не меньше двадцати смазливых мальчиков, и один среди них – ну просто писанный красавец.

— Настоящий ангел во плоти.

— Только вид у него несчастный, за все время ни разу не улыбнулся.

— Второй молодой господин велел мне его нарисовать, я попросил его хоть немного улыбнуться, а он даже ухом не повел. Гордый, жуть.

Слова Чжао Фана напомнили Гунсунь Сы о случае, когда он возвращался из кухни в свою каморку. Навстречу ему попался парень, который позже пытался броситься в колодец, но его вовремя вытащили и уволокли обратно.

Должно быть, это о нем говорил Чжао Фан.

Гунсунь Сы обронил:

— Что, приглянулся тебе этот парень?